

Научная статья
УДК 7.071.1:[75+76]
DOI 110.46748/ARTEURAS.2022.04.007

Художник Николай Мамонтов в Ухтпечлаге (1936–1940): неизвестная страница творчества

Девятьярова Ирина Григорьевна

Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, Омск, Российская Федерация
sanfira9@mail.ru

Аннотация. В статье освещается неизвестный ранее период биографии художника Н.А. Мамонтова (1898–1964), связанный с его пребыванием в Ухтинско-Печорском исправительно-трудовом лагере (Ухтпечлаге). Из мемуаров художника М.С. Житницкого стало известно, что Мамонтов после ареста в 1936 году отбывал срок в поселке Чибью (сейчас город Ухта), работал художником в театре и выполнял в художественной мастерской копии портретов вождей и лозунги. При этом в его наследии сохранились живописные произведения и рисунки, не связанные с реалиями лагерного быта. Особое внимание уделено в статье портретным рисункам сокамерников из альбома 1937 года. На основании представленных материалов автор приходит к выводу, что художники, которые жили и работали в советской стране, не всегда подчинялись в своем творчестве требованиям существующей идеологии. Даже те, кто, подобно Н.А. Мамонтову, был репрессирован и провел часть жизни в заключении. До конца дней творчество Мамонтова питали образы искусства ушедших эпох и поэзия символистов.

Ключевые слова: художник Николай Андреевич Мамонтов, социалистический реализм, Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь, Чибью, лагерный альбом, Марк Житницкий, Николай Михайлов (Диомиди), Николай Бруни

Для цитирования: Девятьярова И.Г. Художник Николай Мамонтов в Ухтпечлаге (1936–1940): неизвестная страница творчества // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2022. № 4 (27). С. 106–119. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.04.007>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/925>

Original article

Artist Nikolai Mamontov in Ukhtpechlag (1936–1940): unknown page of creativity

Irina G. Devyatyarova

Omsk Regional Museum of Fine Arts named after M.A. Vrubel, Omsk, Russian Federation
 sanfira9@mail.ru

Abstract. The article highlights a previously unknown period in the biography of the artist N.A. Mamontov (1898–1964), associated with his stay in the Ukhta-Pechora Correctional Labour Camp (Ukhtpechlag). As it became known from the memoirs of the artist M.S. Zhitnitsky, Mamontov, after his arrest in 1936, served time in the village of Chibyu (now the city of Ukhta), worked as an artist in the theatre and made copies of portraits of leaders and slogans in an art workshop. At the same time, paintings and drawings that are not related to the realities of camp life have been preserved in his legacy. Particular attention is paid in the article to portrait drawings of camp inmates from the 1937 album. Based on the materials presented, the author comes to the conclusion that the artists who lived and worked in the Soviet country did not always obey the requirements of the existing ideology in their work. Even those who like N.A. Mamontov were repressed and spent part of his life in prison. Until the end of days, Mamontov's work was nourished by the images of the art of bygone eras and the poetry of the Symbolists.

Keywords: artist Nikolai Mamontov, socialist realism, Ukhta-Pechora labour camp, Chibyu, camp album, Mark Zhitnitsky, Nikolai Mikhailov (Diomidi), Nikolai Bruni

For citation: Devyatyarova, I.G. (2022) 'Artist Nikolai Mamontov in Ukhtpechlag (1936–1940): unknown page of creativity', *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (4), pp. 106–119. doi:10.46748/ARTEURAS.2022.04.007. Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/925> (In Russ.)

Введение

Социалистический реализм был важной частью официальной идеологии и пропаганды советской власти. Художник, призванный идеализированно изображать жизнь счастливого общества людей, портреты вождей, ударников труда, праздники с красными знаменами, постоянно находился под контролем государства. Произведения, не соответствующие установленным критериям, и критика существующего строя запрещались, а их авторы подвергались гонениям со стороны властей.

К числу художников, избегавших революционного пафоса и идеализации советского быта в своем творчестве, относился и Николай Андреевич Мамонтов (1898–1964). Его имя долгие годы окружал ореол многочисленных загадок и легенд. Их создавал при жизни сам художник, записывая противоречивые факты в автобиографиях

и анкетах — о годах и местах работы. Позднее в мемуарах сообщали путанные сведения о нем друзья его юности. Многие были восстановлены и исправлены автором статьи на основе архивных документов в 1990-е годы [1; 2]. При этом остались и «белые пятна», которые удалось заполнить лишь недавно.

Цель настоящей статьи — открыть забытую страницу жизни и творчества Н.А. Мамонтова и ввести в научный оборот выявленные в процессе исследовательской работы материалы и источники.

Николай Мамонтов — сибиряк, итальянец, волжанин

Живописец и график Николай Мамонтов учился в Омске и Барнауле в частных студиях, был участником омской футуристической группы «Червонная тройка». С начала творческого пути

и на всём его протяжении Мамонтов редко обращался к окружающей действительности, предпочитая ей образы искусства ушедших эпох, мифологии, фольклора, поэзии символистов. Летом 1923 года он вместе с другом Виктором Уфимцевым отправился в путешествие по Туркестану [3, с. 52–72]. А через год вместе с семьей художника Д.К. Степанова покинул Россию и уехал в Италию. Там он продолжил образование в Римской академии живописи и рисунка у Зигмунда Липинского. Художник-символист ориентировал своих учеников на античное наследие и Ренессанс, вполне в русле официального направления в искусстве современной Италии. Мамонтов испытал также воздействие итальянского метафизического искусства с его принципом «призрачности», иронией, одушевлением неодушевленных предметов [4, с. 398–400].

Живя в Риме, Мамонтов входил в выставочное объединение *Fiamma* («Пламя») и принимал участие в групповых и персональных выставках. Так, в 1929 году он экспонировал на выставке *Fiamma* композицию «Декоративный мотив» (1927, Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля), жанровую сцену «Киргизы. Сибирь» (1929, частное собрание, Саратов), исполненную экспрессии картину «Коррида» (1929, Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева). На персональной выставке в Риме в 1930 году художник показывал «Сказку», на которой чудовище о трех головах преследует юношей и повергает их на землю (1930, частное собрание, Саратов). Ряд картин («Араб», «Туркестанский всадник», «Шехеразада» — все в частных собраниях) экспонировался на Первой международной выставке колониального искусства, подготовленной и организованной Независимым обществом Триполитанской ярмарки в октябре — декабре 1931 года.

Фантазер и мечтатель, Николай Мамонтов объехал полмира и в 1932 году возвратился в Россию. Вернулся в самый разгар очередной партийной кампании: постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года были ликвидированы литературно-художественные организации с целью сплочения творческой интеллигенции вокруг задач социалистического строительства. В Ленинграде Николай Андреевич понял, что его искусство в советской стране не будет востребовано. Привыкший за семь лет жизни в Италии к свободному выбору тем и решений, он действительно не вписывался в рамки норм официального искусства.

Оказавшись в Москве, художник понял, что пришелся не ко двору. Можно предположить, что в столице он встретил друга своей озорной омской юности Бориса Шабля-Табулевича,

с которым в мае 1921 года открывал выставку «Червонной тройки». Шабль-Табулевич работал в это время в мастерской А.А. Осмёркина, успешно участвовал на выставках, экспонируя индустриальные пейзажи. Пути товарищей явно разошлись. Может быть, тогда стало известно и художнику Виктору Уфимцеву, что Мамонтов возвратился из Европы. «Говорят, его видели в Москве. Он шел опустившийся и растерянный. Видно, жизнь его в Италии не была удачливой», — напишет Уфимцев в мемуарах [5, с. 54].

В Москве Мамонтов перебивался случайными заработками. Из автобиографии известно, что он работал художником в музее политкаторжан, писал портреты вождей по заказам московского горкома ИЗО, занимал должность художника-реставратора во «Всекохудожнике», иллюстрировал детские книги [1, с. 58]. Составитель справочника московских художников А.В. Григорьев не оставил без внимания Мамонтова. В словнике 1936 года отмечается, что Н.А. Мамонтов — живописец с 1917 года, участник провинциальных выставок. О пребывании в Италии предостережительно умалчивается¹.

Шел 1936 год, когда над художественной братией стали сгущаться тучи. Одна из первых публикаций в газете «Правда» под названием «О художниках-пачкунах» выявляла «серьезные идейно-художественные ошибки» в творчестве ряда мастеров. В круге преследуемых оказался и Мамонтов. В апреле 1936 он был арестован и заключен в Бутырский изолятор НКВД (рис. 1)².

Мамонтов изобличался в том, что враждебно настроен к советской власти, систематически проводит «контрреволюционную агитацию пораженческого характера» и даже угрожает физической расправой Сталину³. Обыск в его квартире (пятнадцатиметровой комнате в одном из новых домов на Шоссе Энтузиастов) показал, что, «кроме картин, нет ничего». Из свидетельств знакомых и соседей выяснилось, что Мамонтов высказывался против советского строя, при котором художники не могут развиваться, так как от них требуют изображать машины, рисовать «тупые лица так называемых вождей», «заставляют писать, петь, рисовать всех по красному шаблону». Его товарищ живописец Фёдор Семёнов (позже — Семёнов-Амурский), сам испытывавший силу идеологических тисков и позже преследуемый соответствующими органами, вынужден был сказать следователю, что работы Мамонтова, «красивые нередко по форме», лишены подлинного советского содержания и что их автор с «буржуазными, барскими взглядами на искусство» еще

¹ Отдел рукописей ГТГ. Ф. 91. Д. 405. Л. 6. Справочник по художникам, составленный А.В. Григорьевым. 1936.

² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-78040. Л. 1–40.

³ Там же. Л. 11–13 об., 19.

1. Н.А. Мамонтов
на момент ареста.

Фотография
из уголовного
дела № П-78040.

1936.

Москва.

Государственный архив

Российской Федерации

далек от художника советской формации⁴. Николай Андреевич признался, что действительно говорил о том, что «за границей художники находятся в лучших условиях, чем в СССР, ибо в СССР не дают возможности свободно развиваться таланту, заставляя его быть тенденциозным». Свою позицию он объяснил тем, что был недооценен как художник и, как было принято в каждой подобной ситуации, искренне раскаялся, пообещав в кратчайший срок изжить вредные настроения и быть полезным советской власти⁵. Особым соображением при НКВД ему был вынесен приговор о заключении его в исправительно-трудовой лагерь на пять лет⁶.

Сестра художника Т.А. Бойницкая пыталась помочь брату и обратилась с письмом в Помполит к Е.П. Пешковой. Помполит (Помощь политическим заключенным) — правозащитная организация в СССР, которая просуществовала до 1937 года. После смерти Ф.Э. Дзержинского (1926) она функционировала с трудом, ее ходатайства удовлетворялись органами ОГПУ (НКВД) редко, возникли

сложности с финансированием работы общества. В середине 1937 года общество было закрыто по распоряжению наркома внутренних дел Н.И. Ежова. Фонд Помполита в Государственном архиве Российской Федерации содержит более тысячи дел, включая письма, записки, которые приходили Пешковой от граждан, пострадавших за свои политические убеждения. Среди документов есть и письмо Т.А. Бойницкой⁷: «Приехав 30/IV — 1932 г<ода> в Москву из Италии, Рима, художник Мамонтов Н.А. встретил здесь недоверчивое к себе отношение. Он пытался повидать М. Горького, Алексея Максимовича, с которым был хорошо знаком в Италии, рассказать, какие трудности стали перед ним, когда он стремился приобщиться к большой творческой работе как советский художник, отдать накопленные знания и навыки Советскому искусству. “Вы нигде не выставлялись”; “Мы Вас не знаем”, — повсюду говорили ему. Но ведь никогда ему не давали возможности выставить, показать себя, как художника. Будучи не принятым в М<осковское>

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 29–30.

⁷ Цитируется в авторской орфографии и пунктуации.

О<бщество> С<оветских> Х<удожников>, Мамонтова нигде не принимали, никогда не давали заказа, не говоря уже о командировке, которая дала бы ему возможность увидеть нашу стройку, новые сюжеты, которые могли бы так оформить <его>, <чтобы> стать в полной мере советским художником, ищущим новый стиль в искусстве. К тому же он был окружен злой клеветой, которая за время приезда подрывала его.

Мамонтов всё время страстно желал и стремился, чтобы его использовали как мастера с культурой, которую он с большим трудом приобрел.

17-го апреля с<его> г<ода> художник Мамонтов был неожиданно арестован НКВД и в настоящее время находится в Бутырском изоляторе. Никакой вины за собой мой брат не чувствует. Зная Вас, не только как крупного прекрасного работника, а и за отзывчивого, хорошего человека, прошу простого человеческого отношения к моему брату, ибо он ни в чем невиновен и прошу Вашего содействия в деле ускорения следствия и освобождения его.

Прошу так же, если это является возможным, разрешения свидания с ним. Жена художника Мамонтова больна, сама я приезжая, в скором времени уезжаю далеко в Сибирь и хотела бы повидать брата, не надеясь скоро его увидеть на свободе.

Сестра х<удожника>ка Мамонтова, Бойницкая Т.А.

15/V — 36 г<ода>» [6].

Однако надеждам Т.А. Бойницкой не суждено было сбыться. К началу 30-х годов деятельность общества свелась лишь к наведению справок об арестованных и оказании консультаций их родным. Мамонтов был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ. Реабилитирован 20 ноября 1989 года.

Свободное творчество в лагерном поселке Чибью

Наказание Николай Мамонтов отбывал в поселке Чибью (с 1939 г. — Ухта) Коми АССР, как стало недавно известно из книг воспоминаний художника М.С. Житницкого. Они изданы в Израиле и присланы в Центральную библиотеку Ухты сыном художника Иосифом Житницким в 2019 году [7; 8].

В 1930-е годы М.С. Житницкий возглавлял отдел художественного оформления книжной продукции в Белорусском государственном издательстве. В 1936 году вместе с директором и семью редакторами отделов издательства он арестовывается как член «контрреволюционной троцкистской группировки», якобы существовавшей в издательстве. Приговорен спецколлегией Верховного суда БССР к 10 годам исправительно-трудовых работ. В феврале 1937 года в результате двухмесячного

этапа из Котласа Житницкий оказался в Чибью и был назначен художником-декоратором театра.

В лагерном поселке при Стройконторе действовала мастерская, которой руководил заключенный Николай Михайлов (Диомиди), «главный художественный авторитет в Ухтпечлаге». Там работали несколько художников и скульпторов. Житницкий вспоминает: «Приближалось двадцатилетие советской власти, и мне было поручено оформить центр города. Я засел за эскизы. <...> На этом фоне выполнялись портреты вождей (слава Богу, я их не рисовал), панно и плакаты, прославляющие величие и гуманизм советской власти. Нашими же руками портреты развешивались на главных зданиях Ухты. При входе на театральную площадь Ухты я поставил торжественную триумфальную арку. Рабы славил своих угнетателей...» [8, с. 16].

На рисунке «Ухтинская Академия памяти Николая Михайлова. 1937–1946» из книги воспоминаний Житницкого сверху вторым справа изображен Мамонтов — кудрявый, с характерным выразительным профилем. Выше — надпись: «Ник Мамонтов» (рис. 2). Житницкий вспоминает о нем: «Николай Андреевич Мамонтов до лагеря успел много. Жил и учился в Европе. Много ездил по России. Проявил себя в живописи и графике. Перед арестом работал на Гознаке, где изготавливались ценные бумаги, гравером. В двадцатые годы уехал в Италию. Окончил Римскую художественную академию, учился во Франции. В начале тридцатых вернулся в СССР. В 1936 году его арестовывают и дают пять лет... Человек тихий, интеллигентный со слабым сердцем, он сидел в мастерской и не торопясь делал копии по всем правилам итальянской старой школы живописи с подмалёвками, лессировками. Часами стоял у печки и сушил свои лессировки и лакировки. Мы подсмеивались над ним, так как научились свободно делать три копии, пока он делал одну. Во время войны, когда меня угнали на общие работы, я потерял Мамонтова из виду и не знаю его судьбу» [7].

В лагере в ноябре 1937 года Мамонтов написал портрет Ольги, своей милой и заботливой жены (рис. 3). Он отражает счастливое состояние души автора портрета и его модели. Ласковое солнце освещает красивое лицо Ольги, безмятежная улыбка играет на ее губах, легкий ветерок треплет золотистые кудри и воротник светлого плаща. В композиции и нарядных аксессуарах — банте с брошью, синей шляпе с широкими полями — прослеживается неоклассицистическая традиция парадного портрета. Авторскую подпись слева внизу и на обороте «Nicola Mamontoff un di moglie. 1937 novembre Cibi» художник написал по-итальянски, без страха быть обвиненным шпионом в пользу Италии.

2. Ухтинская

Академия памяти

Николая Михайлова.

Рисунок из альбома

М.С. Житницкого

«Моя жизнь в набросках

пером» [7]

В лагере исполнена и подсказанная, вероятно, литературными образами картина «Цирк», где отважной укротительнице львов, напряженно выполняющей свои опасные трюки, противопоставлена публика — мрачные, тупые лица-маски, предвещающие кровавую драму. В конце 30-х годов Мамонтов был увлечен темой цирка — искусства, далекого от прозы жизни, а следовательно, интересного для художника. Атмосфера цирка уводила в мир иллюзии, красоты и волшебства, помогала подняться над обыденным. Персонажами картин мастера становятся акробаты, гимнастки, наездники, укротители хищников, клоуны. Вольно или невольно в некоторых работах цирковой серии в формах символического гротеска отражалась действительность. Картина «Цирк» показательна в этом отношении (рис. 4).

Портрет в творчестве Мамонтова, писавшего свои картины по воображению, являлся тем жанром, который связывал его с действительностью.

Убедительна в этом отношении и серия графических портретов в альбоме 1937 года.

Весной 1937 года на свидание с Николаем Андреевичем приехала его жена Ольга. О том, как она добиралась до поселка Чибью, можно узнать из воспоминаний Анны Бруни: «Дорога занимала около двух месяцев, добираться приходилось всеми видами транспорта, вплоть до лодок летом и собачьих упряжек зимой — ради нескольких дней»⁸. Ольга привезла с собой подарок — альбом для рисования от сестры Татьяны с надписью «Дорогому брату от любящей сестры» и куплетом песни И. Дунаевского из кинофильма «Дети капитана Гранта»: «Капитан, капитан, улыбнитесь...» В карандашных портретах альбома, хранящегося сейчас в Омском областном музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, живет ощущение времени. Оно проявляется не только в элементах внешнего облика изображенных — ватниках, берегах, клетчатых кепках, шлемах, но и в характерах

⁸ Шаховская Н. «В любви раскрывшаяся Анна». Анна Александровна Бруни (1898–1957) // Благотворительный фонд «101 км. Подвижники Малоярославца» [сайт]. URL: <https://www.101km.org/abruni> (дата обращения 10.06.2022).

3. **Н.А. Мамонтов.**

**Портрет жены
художника Ольги.**

1937.

Холст, масло.

59,5 x 45.

Омский областной музей
изобразительных

искусств им. М.А. Врубеля

4. **Н.А. Мамонтов.**

Цирк.

1939.

Фланель, масло.

42 x 56.

Частное собрание, Омск

людей с подчеркнутыми художником открытостью, серьезностью и целомудрием. Рисунки замечательны свободой исполнения, разнообразием технических приемов. Уверенная линия и сочный штрих сочетаются с одновременной проработкой объемов мягкими растушевками, уточняющими и подчеркивающими форму. Особой бережностью трактовки с преобладанием плавных линий отличаются карандашные портреты жены художника Ольги — молодой женщины с тонкими чертами лица и спокойным, внимательным взглядом (рис. 5).

Ряд рисунков не идентифицирован, но все изображенные, вероятно, — люди творческих профессий, из лагерного театра: актеры, музыканты, балерины, швеи, приходившие позировать в художественную мастерскую Н. Михайлова. Проводились здесь и сеансы с обнаженной натурой (рис. 6).

Удалось атрибутировать портрет Николая Александровича Бруни (рис. 7) [9, с. 58]. Музыкант,

поэт, летчик, священник, авиаконструктор, в марте 1935 года он был осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей и отправлен в поселок Чибью. Свидетельств о его жизни в лагере до нас дошло мало. Известно, что сначала он был на общих работах, а затем — лагерным художником, рисовал плакаты, портреты начальников и их домочадцев.

Дополнительные детали о Бруни дают воспоминания Марка Житницкого. В 1937 году торжественно и с размахом отмечали 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. Начальник лагеря Яков Мороз распорядился изваять памятник поэту. Автором замысла был назначен заключенный Бруни. Николай Александрович увлеченно работал над скульптурой. Молодой Пушкин сидел на скамье с томиком стихов в руках. Натурщиком служил артист из Ухтинского театра. Скамья и фигура поэта были сложены из кирпича, скрепленного и оштукатуренного цементным раствором, а голова, руки и книга выполнены из гипса⁹.

⁹ Хлыбов Е. Обреченный дар // Регион. Ежемесячный журнал о Республике Коми. 2021. № 4. С. 36.

5. **Н.А. Мамонтов.**

Портрет жены

художника Ольги.

1937.

Бумага, карандаш.

35,5 x 24,5.

Омский областной музей

изобразительных

искусств им. М.А. Врубеля

6. **Н.А. Мамонтов.**

Обнаженная.

1937.

Бумага, карандаш.

35,5 x 24,5.

Омский областной музей
изобразительных
искусств им. М.А. Врубеля

7. Н.А. Мамонтов.

Портрет Н.А. Бруни

в шлеме.

1937.

Бумага, карандаш.

35,5 x 24,5.

Омский областной музей
изобразительных

искусств им. М.А. Врубеля

8. **Н.А. Мамонтов.**

Автопортрет с женой.

1941–1942.

Холст, масло.

59 x 69.

Собственность

А.С. Морозова, село

Курдюм Татищевского

района Саратовской

области

9. **Н.А. Мамонтов.**

Автопортрет с женой.

1941–1942.

Холст, масло.

Фрагмент.

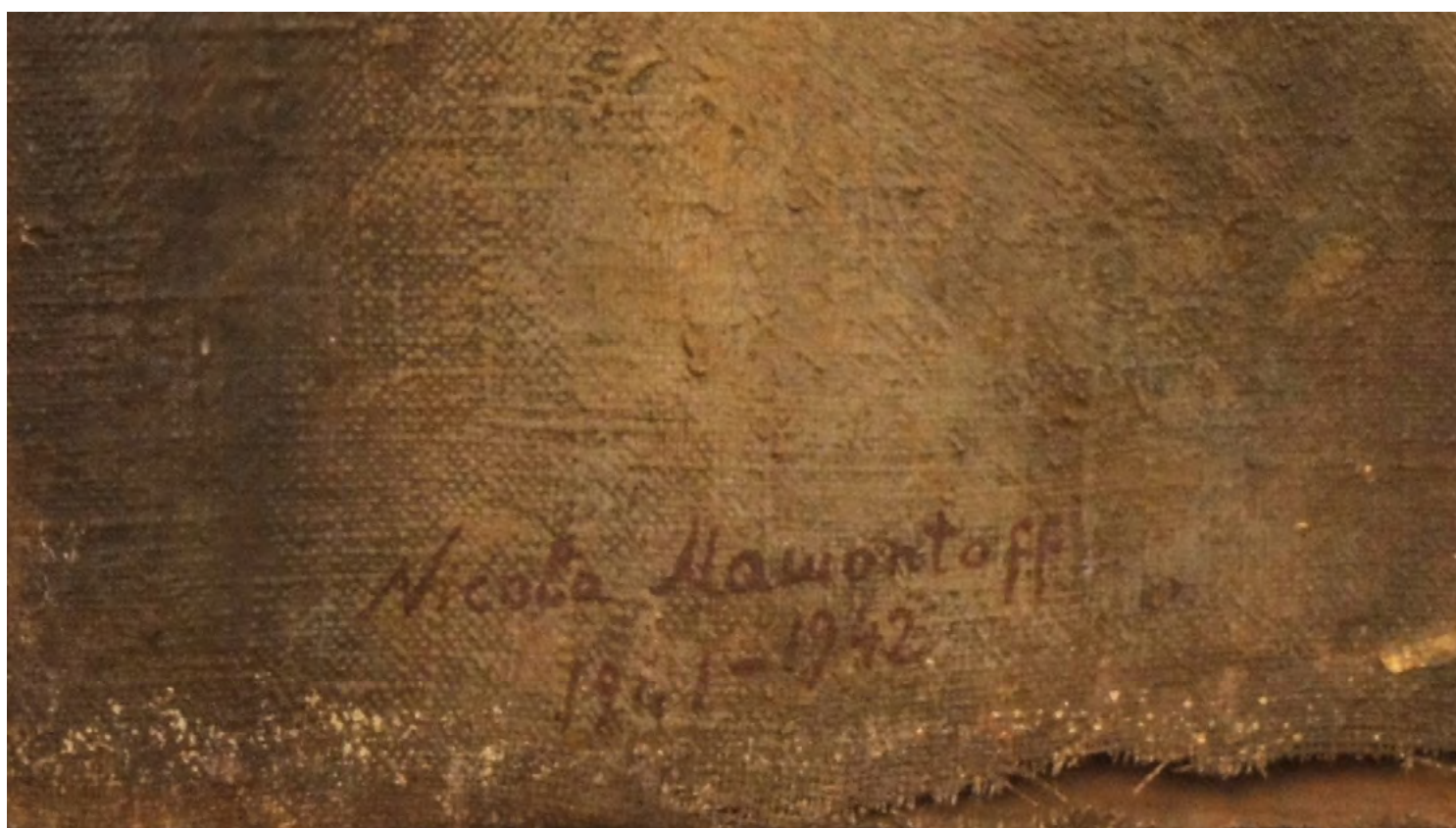
Собственность

А.С. Морозова,

село Курдюм

Татищевского района

Саратовской области

Сегодня памятник Пушкину — самая ценная достопримечательность Ухты.

В январе 1938 года Н.А. Бруни был арестован повторно и расстрелян по обвинению в «контрреволюционной агитации», а именно за то, что «внедрял религиозные традиции среди заключенных. Происходящие в СССР события увязывал со Священным писанием»¹⁰.

Одним из первых произведений, написанных Мамонтовым после освобождения, стал «Автопортрет с женой Ольгой» (рис. 8), исполненный гармонии и нежных чувств. Как и прежде, автор подписывает его на итальянском языке (рис. 9).

Николай Мамонтов жил в Подмосковье, затем, после смерти жены в 1948 году обосновался в Саратове. Здесь художник работал особенно интенсивно, до конца дней оставаясь свободным от идеологических запретов. Воображение Мамонтова по-прежнему занимают далекие от реальности темы, мотивы недосказанности, мечты, сна, которые он решает средствами выразительности из арсенала символистов — тающими, едва намеченными контурами, светящимися проемами и как бы излучающими свет формами [10, с. 6–7].

Монографическая выставка художника «Сны пилигрима» в Третьяковской галерее в 2008 году, каталоги, публикации способствовали возвращению его имени в контекст отечественного искусства.

Выводы

Охватывая общую панораму деятельности Н.А. Мамонтова, убеждаешься в том, что при различии образного решения той или иной темы постоянным у художника остается следование избранной еще в молодые, омские годы романтической линии. Одиноким мечтатель, влекомый «очарованной далью», Мамонтов на протяжении всей творческой жизни обращался к искусству прошлого, старинным преданиям, поэзии Серебряного века. Живописное наследие художника расширяет границы хронологических рамок так называемого альтернативного, «другого» искусства, условно исчисляемых в нашем искусствоведении с конца 1950-х годов.

Восстановленная страница творческой биографии Н.А. Мамонтова хронологически укладывается в пять лет — годы, проведенные в Ухтпечлаге. Этот период жизни раскрывает характер деятельности художника в лагере и его окружение, включающее представителей культуры и искусства. Профессия художника позволила Николаю Мамонтову обосноваться в исправительно-трудовом учреждении на щадящих условиях. При этом, изготавливая агитационную продукцию, он оставался свободным в своем творчестве, о чем свидетельствует немалочисленное наследие этого периода. Художник имел собственные представления о смысле изобразительного искусства и перековываться, в том числе и в будущем, несмотря на конфликты и сложности быта, не стал. Независимое творчество Мамонтова является, без сомнения, частью единого художественного процесса в стране.

Список источников

1. Девятьярова И.Г. Николай Мамонтов. Очерк жизни и творчества художника. 1898–1964. Омск: Омский дом печати, 1998. 96 с., 67 ил.
2. Девятьярова И.Г. «Очарованная даль» Николая Мамонтова // Николай Мамонтов. Сны пилигрима : каталог выставки в Государственной Третьяковской галерее. М.: Пинакотека, 2008. С. 8–21.
3. Уфимцев В.И. Путешествие по Туркестану. 1923–1924 // Виктор Иванович Уфимцев. 1899–1964. Архив: дневники, фотографии, рисунки, коллажи, живопись / тексты и комментарии И. Галеев, З. Девятьярова. М.: Скорпион, Галеев-Галерея, 2009. 256 с.
4. Шклярская Я. Ностальгический символизм Николая Мамонтова // Символизм. Новые ракурсы / сост. и отв. ред. И.Е. Светлов. М.: Канон-Плюс, 2017. С. 392–403.
5. Уфимцев В.И. Говоря о себе. Воспоминания. М.: Советский художник, 1973. 135 с., 35 ил.
6. О Мамонтове Н.А. — в Помполит. Автограф // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1528. Л. 179–180. URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000517.pdf (дата обращения 15.08.2021).

¹⁰ Бруни Николай Александрович. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет [сайт]. URL: <http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITcGZeU-yPnUr9XAtAU> (дата обращения 10.10.2022).

7. Житницкий М. Художники в неволе. Ухтпечлаг. Моя жизнь в набросках пером. 75 лет : альбом. Тель-Авив: [б. и.], 1978. Без пагинации.
8. Житницкий М. Ухтинский театр. 1937–1946. Тель-Авив: [б. и.], 1978. 25 с.
9. Сарабянов А. Жизнеописание художника Льва Бруни. М.: Галерея Г.О.С.Т. , 2009. 471 с.
10. Сарабянов А. Авангард и неоклассика Николая Мамонтова // Николай Мамонтов. Сны пилигрима : каталог выставки в Государственной Третьяковской галерее. М.: Пинакотека, 2008. С. 6–7.

References

1. Devyatyarova, I.G. (1998) *Nikolai Mamontov. Essay on the life and work of the artist. 1898–1964*. Omsk: Omskiy dom pechaty. (In Russ.)
2. Devyatyarova, I.G. (2008) "The Enchanted Distance" by Nikolai Mamontov', in *Nikolai Mamontov. The Pilgrim's Dreams* [Exhibition catalog]. Moscow: Pinakoteka, pp. 8–21. (In Russ.)
3. Ufimtsev, V.I. (2009) 'Journey through Turkestan. 1923–1924', in Galeev, I. and Devyatyarova, Z. (comps.) *Viktor Ivanovich Ufimtsev. 1899–1964. Archive: diaries, photographs, drawings, collages, paintings*. M.: Scorpion, Galeev-Gallery. (In Russ.)
4. Shklyarskaya, Y. (2017) 'Nostalgic symbolism of Nikolai Mamontov', in Svetlov, I.E. (ed.) *Symbolism. New angles*. M.: Kanon-Plus, pp. 392–403. (In Russ.)
5. Ufimtsev, V.I. (1973) *Talking about myself. Memories*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. (In Russ.)
6. Boynitskaya, T.A. (no date) 'About Mamontov N.A. — in Pompolit' [Autograph], in *State Archive of the Russian Federation (GARF)*, coll. R-8409, aids 1, fold. 1528, pp. 179–180. Available from: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000517.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ.)
7. Zhitnitsky, M. (1978) *Artists in captivity. Ukhtpechlag. My life in pen sketches. 75 years* [Album]. Tel Aviv: s.n. (In Russ.)
8. Zhitnitsky, M. (1978) *Ukhta theater. 1937–1946*. Tel Aviv: s.n. (In Russ.)
9. Sarabyanov, A. (2009) *Biography of the artist Lev Bruni*. Moscow: Gallery G.O.S.T. (In Russ.)
10. Sarabyanov, A. (2008) 'Avant-garde and neoclassical art by Nikolai Mamontov', in *Nikolai Mamontov. The Pilgrim's Dreams* [Exhibition catalog]. Moscow: Pinakoteka, pp. 6–7. (In Russ.)

Информация об авторе

Девятъярова Ирина Григорьевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, Омск, Российская Федерация, sanfira9@mail.ru.

Information about the author

Irina Grigoryevna Devyatyarova, Cand. Sc. (History), Chief Researcher, Omsk Regional Museum of Fine Arts named after M.A. Vrubel, Omsk, Russian Federation, sanfira9@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; одобрена после рецензирования 06.12.2022; принята к публикации 08.12.2022.

The article was received by the editorial board on 14 November 2022; approved after reviewing on 06 December 2022; accepted for publication on 08 December 2022.